

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ф БРУКЛИН АТАЛИТИ

цена его успеха

Брук Лин

Фаталити. Цена его успеха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69466855

SelfPub; 2023

Аннотация

Отдать всё за счастье любимого – глупость или отчаянная сила любви? Ираклий – музыкант, Илиана – танцовщица бальных танцев. Двое амбициозных мечтателей встретились и за четыре года построили крепкий союз. Никто не сомневался в их любви и будущем. Но однажды всё изменилось. Встав перед выбором, она сделала всё, чтобы он её возненавидел. Сожгла все мосты и переехала в другую страну. И пока его карьера взлетала ввысь, она собирала себя по кускам и создавала новую реальность. Но спустя шесть лет была вынуждена вернуться в родной город и встретиться лицом к лицу с прошлым. Хватит ли ей сил противостоять собственным чувствам? Или сдастся и вновь сломает жизнь любимому человеку, обрушив на него правду о цене его успеха?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Брук Лин

Фаталити. Цена его успеха

Пролог

Одиночество прекрасно лишь тогда, когда за дверью пустой комнаты тебя ждут объятия любимых рук. Когда же пустота повсюду – одиночество становится проклятием.

Ещё вчера мне казалось, что моя жизнь восстановилась, после тотального разрушения. Я реабилитировалась и за последние годы впервые ощутила покой на сердце и была счастлива. А уже сегодня всё вновь подорвалось на минном поле и разлетелось к чертям, предвещая очередное сражение. Самая беспощадная война – война на территории собственной души. В ней не существует победителей, только проигравшие.

Сегодня я вернулась туда, куда поклялась, что никогда не вернусь. В город прошлого, где родилась, где выросла, где обрела любовь и дружбу. Я оставила в нём всю свою боль и обиды, а потом сожгла для себя это место навсегда. Со всеми людьми, кто мне был когда-то дорог.

Меня зовут Илиана. Я сирота при живых родителях. Танцовщица, навсегда влюблённая в музыканта. Муза для женатого мужчины. А для когда-то родных мне людей – позор и

олицетворение порока.

И эта история обо мне.

Глава 1

Я стою у ворот дома, где прошло моё детство, а над головой словно вороны летают. Предчувствие катастрофы поглощает рассудок.

Этот город и место – мой персональный ад на земле. И я была уверена, что никакие силы не заставят меня спуститься в преисподнюю. Но случаются события, которые выше всех принципов и желаний. Ты наступаешь себе на горло и первым же рейсом летишь за тысячу километров, чтобы быть рядом с единственным человеком, который любит тебя вопреки всему.

Я заставляю себя открыть калитку и войти во двор. Осматриваюсь вокруг и с досадой отмечаю, что жизнь проходит мимо этого дома, и время здесь давно остановилось – всё так, как и было раньше. Всё та же будка для собаки, которая умерла еще задолго до моего ухода. Всё тот же сломанный деревянный стол, который прогнил насквозь. Всё те же сорняки, от которых я всегда старалась избавиться. Мусор, грязь и моя досада от увиденного сгущают тучи над головой. В глубине души я надеялась, что женщина, которая здесь живёт и которую я когда-то называла мамой, изменилась и привела свою жизнь в порядок. Но увы.

На крыльце появляется бабушка – маленького роста, с укладкой и розовой помадой на губах. Такая яркая и живая.

При виде неё я расплываюсь в улыбке. Поднимаюсь к ней и заключаю в объятия. Мы не виделись больше полугода, и я сильно скучала по ней. Именно ради неё я и поступилась собственными клятвами – вернулась сюда, чтобы забрать её навсегда. Но прежде, мне предстоит прожить здесь целый месяц.

Только вчера бабушка сообщила мне, что две недели назад перенесла инсульт. Поэтому, мама забрала её к себе, чтобы ухаживать за ней. Но те, кто знаком с моей матерью, знают, что она способна лишь усугублять ситуацию. Бабушке рядом с ней становилось только хуже. И это неудивительно. Тот образ жизни, который выбрала женщина, лезвием проходил по сердцу близких ей людей. Поэтому, я была зла на ба, что она не рассказала мне о случившемся раньше. Я бы сразу же прилетела и не позволила и дня прожить под крышей этого дома.

« – Не хотела тебя обременять собой и этим городом» – так она объяснила своё молчание, и я была в ярости от этих слов. В моей жизни нет никого важнее неё. И то, что ей пришли в голову такие мысли и решения, оскорбляло мои чувства к ней.

Я прилетела первым же рейсом сюда, как только обо всём узнала. По дороге нашла хорошую клинику и забронировала дом поблизости от неё.

– Мне не верится, что ты здесь, – ба не скрывает своей радости и зацеловывает меня.

Мне не верится вдвойне, но я решаю промолчать. Стараюсь не думать о том, где я нахожусь и сосредотачиваюсь на том, что на самом деле важно.

– Зайдёшь? – слышу прокуренный женский голос у порога и перевожу своё внимание на женщину, стоящую напротив меня.

Как удивительна жизнь. Я стою перед человеком, который меня родил, растил и воспитал, но не чувствую к нему ничего – передо мной будто стоит незнакомый чужой человек. Она больше не вызывает во мне чувство обиды, ненависти и злости. Я приняла её такой, какая она есть. Простила. А после – отпустила из своего сердца навсегда.

– Нет, – отвечаю спокойно. – Ещё много дел.

– Заезжайте, как будет время, – бросает безразлично и переводит взгляд на бабушку. – Позвонишь мне.

И не дождавшись нашего ухода, заходит в дом и закрывает за собой дверь. Я забираю сумку бабушки, помогаю ей спуститься по лестницы и веду к такси.

– Стоило зайти, – говорит она, когда мы садимся в авто. – Она скучает по тебе, хоть и не показывает.

– Я не намерена сейчас говорить об этом.

– Кто-то ведь должен быть умнее, Илиана. Она твоя мать.

– Для меня это давно ничего не значит, – отвечаю холодно. – Лучше расскажи, как ты? – беру её за руку.

– Ты прилетела и стало намного лучше. Как хорошо, что ты здесь.

– Как только решим все вопросы с твоим здоровьем, я заберу тебя к себе. И это больше не обсуждается.

Она молчит. Вижу, что недовольна моим решением. Знаю, что в глубине души продолжает надеяться, что я вернусь в страну и в этот город. Но я так же знаю, что это невозможно. На протяжении долгих лет я безуспешно уговаривала её переехать ко мне, но больше церемониться с ней не намерена. Не оставлю её здесь одну или куда хуже, под прищмотром мамы.

Мы заезжаем в посёлок, где я арендовала дом. С уст вырывается смешок. В спешке я и не обратила внимание на адрес и название посёлка. И только сейчас до меня доходит, куда я приехала.

Какая ирония судьбы. Получасами ранее я находилась в месте, где были собраны все мои мрачные воспоминания. А сейчас там, где всё кричит об обратном. В этом месте я прожила сотни счастливых мгновений.

– Я помню это место, – с досадой произносит бабушка, разглядывая дома за окном.

Нам обеим грустно. Потому что знаем правду. А она тяготит душу.

Мы проезжаем мимо высоких ворот, и сердце сжимается в кулак – за ними спрятан светлый дом с людьми, которых я продолжаю любить и по которым скучаю.

– Кажется, здесь они жили? – узнает бабушка и переводит взгляд на меня.

– Да, – отвечаю задумчиво.

– Уверена, они были бы рады тебя увидеть.

– Как наивно предполагать, что они обо мне ещё помнят, – усмехаюсь, стараясь скрыть за улыбкой тоску.

«Если они остались в моём сердце, ещё не значит, что всё взаимно.» – отмечаю про себя.

– Наивно предполагать обратное. Как я скучаю по их сыну, так и они скучают по тебе.

Я не желаю продолжать разговор. Отворачиваюсь и достаю телефон из сумки. Звоню риелтору и говорю, что мы подъезжаем. Девушка сообщает, что нас встретит хозяин и всё покажет.

Мы подъезжаем к воротам дома. И я с предвкушением жду, когда бабушка увидит место, где будет жить ближайший месяц. В доме прекрасно всё: начиная со светлого и уютного интерьера, заканчивая большим задним двором с бассейном и цветами. Я уверена, что сейчас ей необходимо именно это – больше свежего воздуха, отдыха и отсутствие каких-либо забот.

Двери ворот открываются, и к нам выходит хозяин. От неожиданности я сначала впадаю в ступор, но после не могу сдержать улыбки. Один из немногих, встречи с которым я рада.

– Алексей, – подхожу к нему ближе.

Жду, когда мужчина узнает меня. Он всматривается в моё лицо и застывает на месте от шока.

– Илиана? – смотрит на меня, словно на приведение.

– Рада тебя видеть, – улыбаюсь шире.

– А я-то как, – он подходит ко мне, разглядывает сначала, а после мы заключаем друг друга в объятия. – Как ты выросла и изменилась. Я тебя и не узнал, – он отпускает меня, отходит на шаг и только сейчас замечает бабушку.

– Ну здравствуй, дорогой, – приветствует она и подходит к нему.

Он обнимает её следом.

– Вы какими судьбами здесь? – поражённый от встречи, мужчина продолжает эмоционально жестикулировать и разглядывать нас двоих.

– Вот, приехала навестить бабушку и с концами забрать её отсюда, – отвечаю, обняв ба за плечи.

– Всё-таки, решила с корнем вырвать себя из этого города?

– Лучше и не скажешь, – улыбаюсь в ответ. – Чтобы больше не было причин возвращаться.

– Мне прискорбно это слышать.

– Пройдём посмотрим дом? – меняю тему разговора. – Это ваш с Линой? Я его не узнала на фото.

– Наш. Пару лет назад переехали в дом побольше, а этот отреставрировали для сдачи в аренду.

Мы входим во двор, и бабушка ахает от удовольствия. Аромат цветов сливается с запахом свежескошенной травы и заставляет застыть на мгновение и насладиться. У входа

стоят белые кованые стулья и маленький стол.

– Будем по утрам здесь пить кофе, – ба оживленно обращается ко мне.

– А по вечерам пить чай, – отвечаю ей в тон и беру её под руку. – Я счастлива, что мы будем жить вместе.

Алексей проводит нам экскурсию по маленькому одноэтажному дому. В нём кухня совмещена с гостиной, две спальные комнаты и ванная. Для нас двоих – идеально. После, он проводит нас на задний двор. И я сразу понимаю, где мы будем проводить всё своё свободное время.

– Стол со стульями перенесём сюда, – бодро заявляет бабушка, увидев бассейн, и с удовольствием осматривается вокруг.

Я вижу по её горящим глазам, что ей всё нравится. Это согревает и успокаивает меня.

Мы возвращаемся с Алексеем в дом, чтобы подписать бумаги.

– Ты надолго в городе? – спрашивает он, пока я читаю договор.

– В планах не больше, чем на месяц.

– У меня есть к тебе деловое предложение. Связано с благотворительностью. Если будет желание и время, набери мне, договоримся о встрече, – он протягивает мне свою визитную карточку.

Я смотрю на номер телефона и возвращаю визитку обратно.

– У меня сохранён твой номер телефона, – мягко улыбаюсь ему. – Я только прилетела. До вечера разгрузусь и перезвоню.

– Буду ждать.

Мы ставим подписи на бумагах, и мужчина, попрощавшись с нами, уходит.

Наконец, я остаюсь наедине с бабушкой. Беру её за руку, веду на диван. Сажусь вместе с ней и заключаю в самые крепкие объятия. Я скучаю по ней даже сейчас. Мне её не хватает рядом с собой. Каждый раз, когда в жизни случаются значимые события, мне хочется прийти к ней, сесть вместе на кухне и за чашкой чая поговорить обо всем.

Мы видимся с ней пару раз в год. Она прилетает ко мне на Кипр. Проводит две недели рядом и улетает обратно. По сложившимся обстоятельствам она не могла переехать ко мне. Но полгода назад я убедилась, что всё это были отговорки. Ей не нравится мой новый образ жизни, и она не хочет с ним соприкасаться. Но больше я не намерена церемониться. Она нуждается в моей заботе, а значит, будет рядом, а не за тысячи километров.

Днём мы приехали в клинику познакомиться с врачом и договориться о полном обследовании бабушки. Я убедилась, что всё продлится столько, сколько я и рассчитывала. Поэтому, я написала Алексею, что могу встретиться с ним и обсудить его предложение. Он отправил мне название и адрес ресторана. Сообщил, что будет там сегодня после девяти

вечера, и мы договорились о встрече.

Я не святая, и ею быть не пытаюсь. Но когда дело касается благотворительности я всегда стараюсь помочь. Я знаю какого это – нуждаться. Нуждаться в любви, деньгах, поддержке. Нуждаться в желании жить. Таких, как я – миллионы. И если я могу стать хотя бы одному человеку спасательным кругом – я стану.

– Завтра сходи в магазин и купи себе одежду поприличнее. Не заводи народ на новые разговоры, – строгим голосом говорит бабушка, стоя сзади меня, пока я кручусь у зеркала.

Ей пришлось не по вкусу моё короткое шёлковое платье с открытой спиной.

– Ты и в правду думаешь, что меня беспокоит чьё-либо мнение?

– Уверена, что тебе всё равно. Но мне нет. Не хочу, чтобы о тебе дурно говорили.

– Кто захочет дурно сказать, найдёт, за что зацепиться. А я хочу оставаться собой и носить то, что мне нравится.

Она поджимает губы и подходит ко мне. Что-то сзади поправляет.

Я прохожусь по себе оценивающим взглядом. Бабушка права. Блеск загорелой кожи, жгуче-чёрные волосы, ниспадающие с плеч, и томный взгляд карих глаз придают образу неуместную сексуальность.

Нахожу в чемодане одну единственную верхнюю одежду – пиджак с мужского плеча и надеваю его.

– Уже выгляжу спокойнее, не так ли?

– Да, так намного лучше. Спасибо, – она целует меня в лоб. – Пусть эта встреча принесёт только благие вести.

Я улыбаюсь и целую её в ответ, а после надеваю кожаные лоферы и выбегаю из дома, так как меня ждёт такси.

Уже через пятнадцать минут я подъезжаю к назначенному месту. Поразительно, как многое может измениться за шесть лет. Раньше здесь стояло заброшенное здание, которое все местные жители обходили стороной, боясь наткнуться на алкашей и наркоманов. А теперь передо мной стоит панорамное здание высотой в сорок этажей. Судя по припаркованным машинам у отеля, понимаю – это самое элитное место в городе.

Я захожу внутрь. На ресепшнере мне сообщают, что ресторан находится на последнем этаже. Подхожу к лифту, вызываю его. Когда двери кабины открываются, я ступаю вперёд. Нажимаю на кнопку сорокового этажа. Двери начинают закрываться, но сзади раздаётся мужской голос. Он просит придержать дверь.

Земля уходит из-под ног. Мне не нужно оборачиваться, чтобы увидеть вошедшего. Предчувствие катастрофы, не покидавшее меня с раннего утра, не подвело. Катастрофа случилась. Я была готова к любым событиям и разным встречам, но к этой готова не была.

Я разворачиваюсь в надежде, что ошиблась. Но передо мной стоит мужчина, который должен находиться за тысячи

километров отсюда. Мужчина, чей образ я так и не смогла стереть из памяти; чьё имя не произносилось с моих уст более пяти лет.

Ираклий Дадияни – известный музыкант и певец, кумир миллионов, мечта женщин. А для меня, когда-то, – целая Вселенная, но навсегда – мужчина моего сердца.

Я с трудом стою на ногах, в глазах темнеет, живот сводит от волнения. Из последних сил я беру себя в руки и возвращаю привычный безразличный облик. Отхожу к перилам и нахожу в них опору.

В отличие от Алексея, Ираклий сразу узнаёт меня. Застывает на месте и не сводит с меня взгляд. В его глазах, как и в нашу последнюю встречу продолжает гореть огонь ненависти. И если бы была возможность, я уверена – он сжёг бы меня заживо, даже спустя шесть лет.

– Я не кусаюсь, – вырывается из моих уст.

Намекаю, что он до сих пор стоит в проеме лифта и не даёт ему поехать вверх.

Не могу оторвать от него глаз. Его выразительные карие глаза, прямой нос и любимая щетина – всё на месте. Я помню каждую чёрточку на его лице...

Поразительно, как устроено наше сердце. Ты увозишь его за три девять земель, даришь ему новых людей, новые чувства. А оно продолжает отбивать имя человека, которого нельзя помнить и нельзя любить.

Мужчина входит в лифт, хочет нажать на нужный этаж,

но увидев, что горит сороковой, отпускает руку. Он встаёт спиной ко мне, но даже сзади я вижу, как мышцы на его шее вздуваются от злости. Его пальцы нервно сжимаются в кулак и медленно разжимаются. Этот жест заставляет меня улыбнуться. Что-то в нём осталось неизменным. Он всегда так делал, чтобы успокоить себя.

– Смотрю, у тебя стёрлись все грани, и блядский сценический образ теперь всегда с тобой, – с усмешкой произносит он, продолжая стоять ко мне спиной.

– Раньше ты был другого мнения о моих образах, – с трудом сохраняю спокойствие.

Тело предательски поддаётся дрожи от его голоса. Я не слышала его так давно, что кажется прошла целая вечность.

– Раньше и о тебе я был другого мнения. Едешь к клиенту?

– Ты и впрямь меня недооцениваешь, раз считаешь, что в этом городе у меня могут быть клиенты, – отвечаю ему в тон.

Сердце стучит в груди и хочет вырваться наружу. Как сложно объяснить своим чувствам, что им нельзя на поверхность и их место глубоко внутри.

– Рада за тебя, Ираклий Дадияни, – произношу, не сдержавшись. – Ты достиг своей мечты.

– Завидуешь? – спрашивает, не оборачиваясь.

– Искренне радуюсь.

Он усмехается:

– Не могу ответить взаимностью.

– Потому что я не получила свою заветную мечту или про-

сто презираешь меня? – стараюсь улыбнуться сквозь ком в горле.

Эти слова заставляют его обернуться. Он меняется во взгляде. Смотрит на меня, а в глазах десятки знаков вопроса. Он ведь не знает, как сложилась моя жизнь. До этого момента, возможно, и не знал, жива ли я. И вот я перед ним. Кто я для него? Незнакомка. Это я могла вбить в поисковике его имя и фамилию и узнать о нём всё. Обо мне же – только закрытые страницы социальных сетей. Возможно, он думал, что я, как и он, осуществила все свои мечты, о которых мы вместе грезили, лёжа на полу нашей маленькой квартиры.

Он вновь отворачивается, не произнеся ни слова. А моя душа изводится от боли. Моё падение стало взлётной полосой для его карьеры. Мне пришлось пожертвовать всем ради его счастья. Я отдала и потеряла всё, что было мне дорого, чтобы он был там, где он сейчас. Но в его реальности всё иначе. И за это он меня ненавидит.

Прислоняю голову о стеклянную стену, закрываю глаза и мысленно возвращаюсь в прошлое. Возвращаюсь на десять лет назад, в те дни, когда всё только начиналось.

Глава 2

Однажды мне позвонила бабушка и сообщила, что её сбивла машина. Мы были с ней близки с раннего детства, а, когда родители развелись, она заменила мне и мать, и отца. Поэтому, я бросила занятия и помчалась на автовокзал, чтобы скорее оказаться рядом с ней. Я знала, что кроме меня о ней никому позаботиться. Маме было некогда ехать в деревню, ведь вечером у неё намечалась важная встреча. Я соврала бабушке и сказала, что у неё дела по работе, хоть и понимала, что под важной встречей мама имела ввиду свидание с очередным однодневным мужчиной. Я даже была рада, что она не приедет. Эта женщина скорее ухудшила бы состояние бабушки своим присутствием и грязным языком, чем была бы полезной.

Наши с мамой взаимоотношения сложно назвать семейными. Их вообще сложно назвать добрым словом. Когда папа ушёл к другой, она направила всю свою ненависть и обиду на меня. И истязала меня физически и морально. Мне было всего шесть лет, когда папа оставил нас. Я очень скучала по нему, ведь мы были с ним близки, да и с мамой тоже. Мой мир разрушился в один миг и превратился в место пыток для детской души. Я нуждалась в маме, как никогда, мне была необходима её любовь. Мне нужна была уверенность, что она всегда будет рядом со мной и не поступит так, как

папа, и не оставит меня одну. Но вместо этого, изо дня в день она кричала, что это я виновата, что он нас бросил.

Она была убеждена, что это из-за меня им не удавалось проводить время наедине и наслаждаться друг другом. Это из-за меня она поправилась и перестала нравиться ему. Позже, я стала виновата и в других её ненастьях. Ведь, не появившись я на свет, она доучилась бы в университете и стала той, кем всегда мечтала. Ей казалось, что не будь меня, она бы точно была счастлива с папой и жила бы насыщенной жизнью, наполненной яркими событиями.

Сейчас для меня это всё не имеет никакого значения. Я выросла, научилась анализировать и понимать, что каждый сам ответственен за события, которые происходят с ними. Но тогда, будучи подростком, я была раздавлена ненавистью собственной матери и старалась изо всех сил избегать с ней встреч.

Три часа дороги тянулись как никогда долго. И как только я оказалась на пороге палаты, где лежала бабушка, тут же бросилась в её объятия. Мы не виделись целый месяц, и я сильно скучала. А увидев её в таком виде, мне не удалось сдержать эмоций, и я расплакалась.

– Ну как ты так, ба? – негодовала я, взяв её за руку.

– Ой, ну чего ты плачешь? Смотри, как хорошо я выгляжу, – она поправила свою причёску и широко улыбнулась.

– Врач сказал, что у тебя сломана нога! – вытирая слёзы, я недовольно посмотрела на неё.

— Ну и что с того? Полежу хоть, отдохну, — продолжала задорно она. — Брось хандрить, лучше фруктов поешь, — она показала пальцем на тумбочку, где стояла тарелка с неуклюже нарезанными фруктами.

— Это тетя Света нарезала? — я подошла и взяла кусочек яблока, так как не ела с прошлого вечера.

— Боже упаси тебя так шутить, — рассмеялась она.

Тетя Света — это её соседка и лучшая подруга. Перфекционист и идеалист. Все у неё должно было быть ровненько и красиво. Она могла по часу развешивать белье сушиться и ещё дольше накрывать на стол. Поэтому, я прекрасно понимала, что фрукты принёс кто-то другой.

—

— Так кто тебя навещал? Поклонник? — впервые улыбнулась я.

Но она не успела ответить. В палату вошёл молодой парень. Брюнет с очень обаятельной улыбкой. Я сначала подумала, что это медбрат, но ошиблась в своих заключениях.

— Вот он то меня и угостил, — указала на него бабушка. — Знакомься, это Ираклий. Это он меня сбил.

Только моя бабушка могла вот так с довольной улыбкой на лице знакомить меня с человеком, который, образно говоря, сломал ей ногу. Но я не разделила её веселья и тут же поменялась в лице. Вся его привлекательность растворилась в моих глазах, и я готова была броситься на него с кулаками.

– Вам кто права выдавал? – зло бросила в него я. – Вы слепой или умственно отсталый?

– Илиана! – строго одёрнула меня бабушка. – А ну ка подбирай выражения!

– Так я и подбираю, – не сводя глаз с парня, ответила я.

Что-то в нём зацепило моё внимание, и я не могла оторвать от него взгляд.

– Вообще-то это я виновата. Не в положенном месте дорожку переходила, ещё и по сторонам не смотрела. Так что, извинись перед молодым человеком. Он привёз меня сюда и вот уже который час находится рядом.

– И не подумаю извиняться, – упрямо произнесла я.

– Ничего страшного, Тамара, – улыбнулся парень бабушке. – Уверен, я бы выразался куда более грубо.

– Какое благородство, – продолжала язвить я.

– Вы любите мороженное, юная леди? – улыбаясь, он достал из пакета несколько упаковок мороженого с разными вкусами.

– Обойдусь, – отказалась я и села на стул рядом с бабушкой.

– А я поем шоколадное, – с радостью ответила ба.

– Угощайтесь, – улыбнулся он ей.

А после угостил и других лежащих в палате пациентов.

– Я тогда пойду, раз ваша внучка уже здесь. Но мы с вами будем на связи, – обратился он к бабушке.

И они попрощались.

– Скажи честно, это ведь он был виноват, не так ли? – шёпотом спросила я, когда он покинул помещение.

– Мы оба были виноваты, – так же тихо ответила она. – Я пыталась перебежать дорогу в неположенном месте, а он отвлёкся на телефон. Но зачем мне портить пареньку жизнь? Уверена, для него сегодняшний день стал уроком.

– Каким уроком? – я закатила глаза, смотря на неё, как на наивного ребёнка. – Что за пакет мороженого, ему все сойдёт с рук?

– Думаю, он вынес другой урок и впредь будет более внимательным на дорогах.

– Ты наивная.

– Время покажет, моя дорогая.

Время показало, что бабушка оказалась права. Ираклий вынес правильный урок с того происшествия. И за последующие четыре года, что мы были вместе, он никогда не отвлекался за рулем на экран телефона. Он мог говорить по нему, но глаза его всегда были устремлены на дорогу. И если вдруг, ему нужно было переключить своё внимание на что-то или кого-то, он всегда парковался у обочины.

Когда бабушку выписали из больницы, я отпросилась со школы и пару недель оставалась у неё, чтобы ухаживать за ней и помогать с хозяйством. Я выходила во двор, собирала дрова, топила печь в доме, готовила и убиралась, а по вечерам неслась в город на тренировки. Ведь, как говорили мои наставники: «Единственная уважительная причина вашего

отсутствия – смерть».

Только благодаря бабушке и её пенсии я продолжала все эти годы заниматься бальными танцами. Мама отказывалась давать деньги. Говорила, что ей абсолютно всё равно на мои желания, и она не будет выделять часть денег на мои занятия. Она называла меня бездарностью, кривоногой, деревянной. И я бы поняла эти гнусные слова, если бы они совпадали с реальностью. Я была высокой, как папа, с длинными ровными ногами и обладала достойной пластикой. Возможно, в ней говорили обида, зависть, неприятие реальности – мне сложно судить. Но несмотря на всё это, тогда, будучи подростком, я всё ещё надеялась, что однажды она очнётся и станет моей прежней любимой мамой.

Где-то через неделю после выпуска к нам в гости наведлся тот самый парень. Он привёз бабушке целый грузовик дров, чтобы хватило на всю зиму.

– Так вот такая она – стоимость твоих водительских прав, – язвительно усмехнулась я, но в глубине души, под слоем недовольства, была благодарна ему за оказанную помощь.

Он не обращал внимание на мои колкие слова. Делал вид, будто меня вовсе не существует. Весь день пробыл у нас, аккуратно сложил все дрова во дворе и пообещал бабушке, что в ближайшее время соорудит ей поленницу.

И не соврал. Он приезжал каждый день и вместе с соседскими парнями работал во дворе. Помимо постройки для дров,

он переделал всю мужскую работу, которая накопилась в доме после смерти дедушки. Бабушка была счастлива и безгранично благодарна ему.

Позже, через полгода, он признался мне, что моя бабушка напомнила ему о детстве, когда ещё были живы его дедушка с бабушкой. Их не стало, когда он был подростком. И их смерть он пережил тяжело, так как всё детство провёл рядом с ними. И когда он встретил мою бабушку, познакомился с ней поближе, то сам того не понимая, начал воспринимать её, как родную.

Но тогда я ещё ничего не знала и искала подвох в его поступках. Не могла поверить, что всё делается от чистого сердца, поэтому всегда с подозрением следила за ним.

Однажды, мои занятия по танцам перенесли на поздний вечер. В тот день Ираклий был у нас и вызвался отвезти меня в город, чтобы бабушка не переживала. Я злилась и противилась этому решению, которое они приняли без меня.

– Плохая затея доверять любимую внучку тому, который ещё недавно сбил человека, – вновь съязвила я, скрестив руки на груди.

– Думаю, ты единственная внучка, – прорезался голос Ираклия. – Иначе бы точно не была любимой.

Это впервые, когда он ответил мне в тон. Я хотела вступить с ним в конфликт, но вмешалась бабушка и попросила впредь не препираться друг с другом перед ней.

В итоге, она уговорила меня поехать с Ираклием для её

спокойствия. И настояла на том, чтобы после занятий я поехала домой к маме и не возвращалась ночью одна в деревню. Я не стала ей перечить, спокойно собрала вещи, попрощалась с ней, и вместе с парнем вышла из дома.

— Какую музыку любишь? — поинтересовался он, когда мы выехали из двора.

— Разную. Зависит от настроения.

— Оно у тебя бывает разным? Даже хорошим? — с улыбкой спросил он.

— Знаешь, сейчас бы я с радостью послушала тишину, — высокомерно бросила ему. — Организуешь?

— Как скажешь, мисс каприз, — он сделал музыку тише и всю оставшуюся дорогу не проронил ни слова.

Мы молча доехали до студии, где проходили занятия, и я начала собираться, чтобы выйти.

— Твоего тренера зовут Алексей? — вдруг спросил Ираклий.

— Да. Вы знакомы? — удивилась я.

— Да, мы соседи. Передавай ему привет.

— Встретишь его на улице, тогда и поздороваемся, — натянуто улыбнулась я. — Незачем ему знать, что мы с тобой знакомы.

— Стыдишься знакомства со мной? — рассмеялся он, видимо не ожидая такого ответа.

— Оставляю тебя без ответа, — улыбнулась еще шире и вышла из машины. — Спасибо, что довёз.

Мы попрощались с ним, и я быстро скрылась из виду. За-

нятия проходили несколько часов, после чего тренер развёз нас по домам.

Мне очень не хотелось встречаться с мамой, и я надеялась тихо войти в дом и пройти в комнату. Но мы столкнулись с ней в коридоре. Она с кем-то очень эмоционально говорила по телефону, кричала и была в ярости. Я испугалась и хотела выйти на улицу, не желая попасть под горячую руку. Но было поздно, её взгляд зацепился за меня, и она сбросила вызов.

– Вернулась?! – спросила она с отвращением, схватила со стула почтовый пакет и швырнула в меня. – Тебе тут посылка пришла! Дрянёх малолетняя, за моей спиной общаешься с ним, да?

Я не понимала, о чём и о ком она говорит. Подняла пакет с пола и увидела, что посылку отправил папа. Мне стало дурно. Я понимала, что это всё выльется в ужасный скандал и хотела поскорее объясниться перед ней. Но не успела и рта открыть, как она набросилась на меня с криками и начала бить. Я старалась защититься, прикрывая лицо руками и пытаюсь донести, что не общаюсь с ним. Но она не слышала. Как обезумевшая верещала. Называла мразью, предательницей и сукой. Слов было больше. Когда дело касалось оскорблений, моей маме не было равных. Она осыпала ими с особым красноречием, не щадя ничьи уши и сердца.

Последней точкой моего терпения стала лампа, которую она бросила в меня. Она разбилась и рассекла мне ногу. Я с

диким ужасом выбежала из дома в ночи и ещё минуты три бежала без оглядки. Я плакала и не могла успокоиться. Я не знала, куда идти, где спрятаться и переночевать. Мне было страшно и очень больно. Физически и ещё больше – морально.

Я не хотела ехать к бабушке и расстраивать её. А тренеру и другим знакомым мне было стыдно звонить. Я думала постучаться к соседям, но на часах была полночь.

Нога кровоточила и болела всё сильнее. Я сняла с себя лёгкий кардиган и завязала им ногу. Ещё минут тридцать я выжидала у нас на улице, что в каком-нибудь из соседских домов загорится свет. Но ничего не менялось. И я боялась, что скоро мама выйдет меня искать, и мне ещё достанется за то, что убежала. Поэтому, я взяла телефон в руки и набрала единственному человеку, кто мог бы сейчас что-то сделать – Ираклию. Я не испытывала перед ним никакого стыда, наоборот, мне уже тогда казалось, что он всё правильно поймёт.

– Алло, – удивлённо принял вызов он.

– Я не отвлекаю? – спросила я, когда услышала на заднем фоне шум.

– Нет, говори, – он вышел из помещения и стало тише.

– Я могу кое о чём попросить? – с трудом сдерживалась я, чтобы вновь не расплакаться.

– О чём?

– Ты мог бы приехать и забрать меня? Мне некуда идти

и некому позвонить.

Как бы я не старалась, но отчаяние в моём голосе было невозможно скрыть. Ираклий потом признался, что очень испугался тогда за меня, ведь ещё несколькими часами ранее я даже говорить с ним не хотела, а тут позвонила с просьбой о помощи.

– Ты где? Что случилось?

– Я недалеко от своего дома. Поругалась с мамой. Не хочу заходить обратно.

– Илиана, не веди себя, как ребёнок. Что значит не хочешь заходить домой? Куда ты поедешь в это время суток?

– Можно я переночую у тебя в машине?

– Ты с ума сошла? – возмущился он. – Иди домой. Не капризничай. Ты о маме подумай, что с ней будет, когда она поймёт, что ты сбежала?

Я не сдержалась после его слов. Разрыдалась, понимая, что моя мама была бы счастлива, если бы ей сообщили, что я исчезла или ещё лучше – умерла. От этого осознания мне стало так больно, что я не смогла сдержать эмоций.

– Ладно. Извини, что побеспокоила, – с трудом выговорила я и, не дав ему ответить, сбросила вызов.

Я была раздавлена и озлоблена. Хотела кричать на весь мир от обиды и боли, но стиснув зубы, лишь крепко обняла саму себя, сидя на соседской лавочке. Решила, что переночую именно на ней, так как более безопасного места я не нашла бы.

Я подняла ноги на лавочку, прижала их к груди и зарылась головой в них. Меня разрывало на части от боли. Я не понимала за что заслужила такое отношение. Пока папа жил с нами, меня никогда не били родители. Да даже голоса не повышали. А теперь для мамы ударить меня было обыденным делом. Сказать мне колкое слово, было вместо доброго утра и спокойной ночи. Мне хотелось назад, в прошлое, когда папа был рядом. Я была так зла на него. Ведь он ушёл, оставив меня один на один со зверем, который своими зубами в клочья раздирал мою душу. Он ушёл, и я осиротела, лишившись не только его, но и мамы.

Не знаю, сколько прошло времени, когда меня ослепил свет от фонарей машины, и из неё вышел Ираклий. Увидев меня в потрёпанном виде, он испугался и тут же велел залезать к нему в машину.

Я была так рада его видеть. В ту минуту я нуждалась в любом плече, которое способно было дать мне опору, чтобы не упасть.

– Ты меня напугала, – сказал он, когда мы сели в машину. – Я звонил тебе, почему ты не отвечала?

– Не могла, – ответила честно.

Я вытирала слёзы с лица и поправляла волосы, хотя понимала, что мой вид уже ничто не спасёт.

– Мне пришлось позвонить Тамаре, чтобы узнать твой адрес, – его взгляд упал на раненную ногу. – Кто это сделал? – он потянулся к ней.

Кардиган уже был пропитан кровью от раны.

– Я не хочу об этом говорить, – сквозь дрожь в голосе ответила я и посмотрела ему в глаза.

Помню это, как сейчас. Помню, потому что тогда впервые посмотрела на него, не как на человека, сбившего бабушку, а как на красивого и обаятельного парня глазами девочки-подростка.

– Дай проверю рану. Возможно, нужно в травматологию.

Я покорно подняла ногу и позволила ему её осмотреть. Как оказалось там остались осколки стекла, и мы несколько часов провели в больнице, пока меня обследовали, снимали стекла и зашивали.

На часах уже было поздняя ночь или даже раннее утро. Ираклий заехал на заправку, купил нам еды и кофе, и мы поехали на холм, откуда открывался вид на город. В будущем это стало нашим любимым местом для уединения.

– И часто такое случается? – спросил он, не выдержав. – Бабушка знает?

– Я не говорю бабушке, что она поднимает на меня руку. Ей и так сложно принять то, во что превратилась мама после развода.

– Ты не ответила. Часто такое случается?

– Бывает иногда. Чаще она изводит меня словами.

Почему-то тогда никому даже в голову не приходило, что мою маму можно лишить родительских прав. Выход был всегда один – ребёнку нужно терпеть, пока родитель выме-

стит на нём всю свою злость. Это потом я выросла, стала совершеннолетней и лишила её любых прав на себя. Но тогда мой персональный ад в лице мамы, казалось, будет длиться вечно.

Мы несколько часов говорили только обо мне и моей семье. Человеку, который ещё утром раздражал меня, ночью я изливала душу. Я открылась ему так, как не могла никому открыться. Мне всегда было страшно, что обо мне подумают другие. Мне казалось, что все меня либо засмеют, либо начнут жалеть, посчитав слабой. А я не хотела ощущать на себе этих чувств. Было легче создавать видимость сильного человека, за спиной которого есть защита.

Но с Ираклием всё было иначе. Слова ручьём лились из меня. Такого умиротворения и спокойствия после разговора я не ощущала очень много лет. Я плакала, смеялась, говорила. Он не жалел меня, не осуждал, не учил жизни. Он просто слушал. Так внимательно, так чутко. Понимал, что мне необходимо освободить свои чувства.

Утром он отвёз меня обратно к бабушке, и мне пришлось соврать ей и сказать, что я разбила зеркало и поранила ногу. Ираклий дал клятву, что ничего ей не расскажет. Бабушка мой единственный родной человек на белом свете, и мне хотелось уберечь её от всей грязи, происходящей вокруг.

А Ираклий начал делать всё возможное, чтобы отвлечь меня от угнетающих мыслей. Он часто приезжал в деревню, чтобы построить поленницу. Помогал с хозяйством, топил

печку, а потом подолгу сидел с нами, и мы вместе слушали рассказы бабушки о её весёлой молодости с дедушкой.

И чем чаще я его видела, тем сильнее привыкала к его присутствию. Я ловила себя на мысли, что мне нравится наблюдать за тем, как он с другими соседскими парнями сооружает место для дров. Мне нравилось, когда он был в хорошем настроении, много шутил и улыбался. Нравилось сидеть с ним и бабушкой вечером в гостиной и много разговаривать.

Глава 3

За последующие полгода многое изменилось. Ираклий познакомил меня со своими друзьями. У них была большая и дружная компания девушек и парней, и они приняли меня в свой круг, как родную. Мне удалось поймать с ними одну волну. Выходные мы проводили вместе. Я любила их общество и то, что происходило, когда мы собирались все вместе. Это всегда было шумно, весело и по-доброму семейно. Рядом с этими ребятами мне удавалось забыть о личных проблемах. Я заполнила ими все дыры в душе, чтобы перестать чувствовать пустоту. И это было прекрасное время.

В один из дней, после очередного инцидента с мамой, когда она подняла руку, Ираклий заставил меня переехать к бабушке. Он пообещал, что сам будет возить меня после танцев обратно в деревню.

– Дадияни, ты сошёл с ума? – спросила я тогда, не веря своим ушам. – Я учусь и занимаюсь пять раз в неделю, у тебя своих дел мало?

– Я не могу позволить себе, чтобы ты продолжала жить с этой женщиной. Что она с тобой делает, посмотри, – он взял мою руку и коснулся синяка на ней. – У тебя скоро соревнования, а ты изувечена!

– Не впервой. Осталось ещё два года, и я уеду отсюда.

– Ты хочешь уехать? Куда?

– Куда-нибудь подальше отсюда. В столицу, например, – поделилась с ним заветной мечтой.

Он улыбнулся краем губ.

– Пусть у тебя все получится, – он поднял мою руку к своим губам и поцеловал тыльную сторону ладони. – Ну, а пока, ты переезжаешь жить к бабушке, и я сделаю всё возможное, чтобы помочь тебе.

По телу пустили электрический ток. Я стояла, с трудом держа равновесие, и смотрела на него, стараясь найти в себе силы не сдаться во власть своих чувств.

Самым большим моим страхом было застрять в этом городе. Поэтому все свои силы, эмоции и мысли я посвящала образованию и танцам. Я не интересовалась мальчиками так, как это делали мои ровесницы. Видя, как они теряют голову и пускают свою жизнь на самотёк ради одноразовых отношений и чувств, я понимала, что это всё не стоит моего будущего и свободы. Убеждала себя, что ещё совсем юна для таких сильных чувств, как любовь, а значит незачем растрачивать себя понапрасну.

Но чем больше я общалась с Ираклием, тем меньше могла контролировать свои эмоции. Он ни разу не нарушил своего обещания. Мне приходилось просыпаться на несколько часов раньше, чтобы поехать в школу. Но это было лучше, чем жизнь с мамой. После уроков я оставалась в школе, выполняла домашнюю работу, и оттуда ехала на танцы. А после

них, вечером, меня забирал Ираклий и отвозил в деревню.

Бабушка была счастлива моему переезду, ей было спокойно-нее, когда я была рядом.

– Скоро Эльза придёт в себя. Поймет, как плохо ей без тебя и начнёт исправляться, – говорила она мне о маме.

И я хотела в это верить. Продолжала надеяться.

Бабушка была рада видеть, как мы близки с Ираклием. Когда он привозил меня, она откармливала его, клала с ним в дорогу выпечку и только потом отпускала. А он и рад был такой заботе с её стороны. Они воспринимали себя бабушкой и внуком. И за этим было приятно наблюдать.

Наступили майские каникулы. Из-за отсутствия школьных уроков, общим решением, занятия по танцам перенесли на утреннее время. Я всё так же жила в деревне, просыпалась в полпятого утра, чтобы к восьми быть на уроках. Занималась по несколько часов, потом возвращалась в деревню и наслаждалась свободой. Я уходила в поле, расстилала плед и много читала. Я проглатывала книгу за пару дней, потом записывала в тетрадь свои мысли после прочтения. Я любила такой вид отдыха. Мне нравилось уходить с головой в другие миры и жизни, чтобы быть подальше от своей реальности. Для меня это было своего рода медитацией.

Ираклия на майских не было в городе. Он с семьёй улетел в путешествие, и я очень по нему скучала. Мало того, что я не могла его увидеть, так ещё и не было возможности с ним поговорить. У их семьи была традиция – раз в год они соби-

рались все вместе, улета́ли за́границу и отклю́чали связь с реальным миром, посвящая себя родным людям.

Мне было непривычно без нашего общения, но я была счастлива за него. Счастлива, что он живёт в полноценной, благополучной семье. И это казалось удивительным, ведь обычно, я завидовала таким людям – не понимала, почему у меня не так. Но, видимо, уже тогда счастье Ираклия было для меня превыше собственных чувств.

Помню, как в один из майских дней, я вышла после занятий на улицу и увидела перед воротами припаркованную знакомую машину. Ираклий стоял, облокотившись на неё и что-то изучал в телефоне. При виде него, я расплылась в улыбке. Он заметил меня за секунду до того, как я бросилась в его объятия.

– Я скучал, – прошептал он на ухо, крепко прижав к себе.

Отпустив его, я сделала шаг назад и начала жадно разглядывать его. Не могла насладиться его присутствием рядом.

– Ты стал негром, – заключила я весело. – Жил всё это время на улице?

– Достаточно было побыть на пляже час. Солнце было беспощадное.

– Бедный, так жалко тебя, – с сарказмом бросила я, продолжая улыбаться. – Надо было остаться здесь. Нет моря – нет проблем.

– Смейся, смейся, – он взял с мои рук спортивную сумку

и закинул её на заднее сиденье. – Ты домой?

– Да. Хочешь подвезти? – довольно спросила я, заранее зная ответ.

– Конечно. Соскучился по Тамаре.

Мы сели в машину и поехали в сторону деревни.

– Ты давно в городе?

– Вчера ночью вернулся. Хорошо, что позвонил бабушке и узнал, где ты. А то бы приехал в деревню, а тебя нет.

– Ба уже знает, что ты приедешь?

– Да. Обрадовалась и уже стоит у печи, – рассмеялся он.

– Она тоже по тебе скучала.

– А ты? – вдруг неожиданно спросил он, бросив на меня короткий, но пронзительный взгляд.

Я смутилась и растерялась. А он, заметив это, улыбнулся.

– Не отвечай, я просто пошутил, – сказал он, коснувшись моей руки.

Его ладонь касалась моей, наверное, с полминуты, но мой мир замер и казалось, что это длиться бесконечно. Я не могла дышать, вместе со временем замерло всё внутри меня, и воздух застрял в лёгких.

– Скучала, – вдруг вырвалось из моих уст, и я испугалась собственного голоса.

Я с ужасом посмотрела на него, глупо надеясь, что он не услышал. Но его улыбка, появившаяся на лице, говорила об обратном.

Я отвернулась к окну и спрятала руки между своих колен. Было неловко и странно. В воздухе витали странные эмоции. И я не могла их распознать.

Тем вечером мне позвонил тренер и сказал, что одна из девочек вывихнула лодыжку, а у них с партнером завтра выступление на дне города. Он попросил меня заменить её и приехать, чтобы отрепетировать танец. Я, естественно, согласилась, и Ираклий отвёз меня обратно в город.

Мой тренер со своей партнёршей беспощадны, когда дело касается работы. Поэтому, одно неверное движение, один неверный взгляд, и танец начинался с самого начала. Мы репетировали-репетировали-репетировали, и я уже перестала следить за временем, понимая, что сегодня проведу ночь в этом зале.

После полуночи мне позвонил Ираклий, чтобы узнать, когда я закончу.

– Я ещё на тренировках, – сообщила я.

– И сколько ты ещё там будешь?

– Скорее всего, я останусь здесь с ночёвкой. Ложись спать, – прошептала, чтобы никто не слышал.

– Как скажете, миледи, – со смешком ответил он.

Мы попрощались, и я вернулась на паркет, чтобы продолжить тренировку. Погрузившись в танец, я вновь перестала замечать кого-то вокруг. Есть только я, мой партнёр и история, которую мы должны рассказать зрителю через наш танец. Мы отрабатывали технику, эмоции и актерскую иг-

ру. Мы танцевали, ошибались и снова начинали заново. Но это нисколько не сбивало настрой. И только, когда сил совсем не осталось, и мы были насквозь мокрые, Алексей объявил перерыв на перекус.

– Наш гость принёс вам угощения, – улыбнулся тренер, бросив на меня неоднозначный взгляд.

Нахмутив брови, я посмотрела ему за спину, чтобы увидеть гостя. И готова была провалиться сквозь землю, когда увидела перед собой Ираклия. Я смутилась его появлению. Чувствовала себя обнажённой перед ним. Несмотря на то, что я делилась с ним всеми своими переживаниями, танец оставался для меня сокровенным. В нём я раскрывала другую часть себя. Ту, которую не хотела, чтобы он видел.

Алексей представил нам своего друга, хотя, очевидно, уже тогда понял, что мы с ним знакомы. Я взяла себя в руки, подошла к ним и поздоровалась с Ираклием, посмотрев на него неодобрительно. А он, сделав вид, будто ничего и не заметил, протянул мне бутылку воды и картонный ланч-бокс с салатом.

– Спасибо, – сухо поблагодарила я, приняв с его рук еду и воду.

Гоша представился Ираклию, пожал ему руку и искренне поблагодарил за то, что нашёл время привезти нам еду.

На самом деле, мы были очень голодны, но в то время не было сервисов для доставки еды, поэтому мы могли поесть только после занятий.

Я молчала, пока ребята разговаривали. Старалась успокоить себя и перестать нагнетать ситуацию. И как только, мне удалось остаться наедине с Ираклием, я заговорила.

– Что ты тут делаешь вообще? – спросила я бесцеремонно.

– Приехал накормить тебя и посмотреть, как ты танцуешь, – как ни в чём не бывало ответил он и улыбнулся.

– Пришёл бы завтра на выступление.

– Не столько интересен результат, сколько дорога к нему.

Я фыркнула и отвернулась от него. Взяла в руки ланч-бокс и принялась есть салат.

– Не хочу, чтобы тренер думал, что между нами что-то есть, – сказала я тише, чтобы услышал только он.

– Не переживай об этом.

Я хотела поговорить с ним ещё, но вернулся Алексей и сказал нам с Гошей возвращаться на паркет. Я отложила в сторону салат, бросила мимолётный взгляд на Ираклия и вышла в середину зала. Меня трясло от волнения. Все мысли были о том, что подумает Дадияни, когда увидит меня в танце. Но как только заиграла музыка, всё снова перестало иметь значение, и я погрузилась в другое измерение вместе с партнером.

С каждым разом наш танец становился всё лучше, а замечаний от тренеров – всё меньше. И, наконец, ещё через полтора часа мы завершили наши тренировки.

Уставшая и вымотанная, я подошла к Ираклию, который расслабленно сидел на полу рядом с моими вещами.

– Что ты на меня так смотришь? – спросила я у него, смутившись его пронзительному взгляду и легкой ухмылке на губах.

– Да так, – ответил загадочно и протянул мне бутылку воды.

Приняв её, я поблагодарила его и сделала несколько жадных глотков, стараясь утолить жажду и сухость во рту. Он встал, подошёл ближе ко мне и, убедившись, что рядом никого нет тихо спросил:

– Тебе есть где переночевать?

– Попрошу Алексея остаться здесь, какие у меня ещё могут варианты? – пожала плечами, чувствуя, как боль от обиды на маму снова растекается по венам.

– Могу предложить аж три варианта.

– Я внимательно слушаю.

– Поедем ко мне домой. Заодно, познакомишься с моей семьей, – расплылся в улыбке он.

– Не при каких обстоятельствах, Ираклий, – я посмотрела на него, как на безумного.

– И ещё два варианта – отель или заднее сиденье моей машины. Но я бы выбрал отель.

Я бы тоже выбрала его. Но у меня в кармане денег было только на обратную дорогу к бабушке, поэтому данный вариант я тут же отсекала.

– А я выберу твою машину, – сказала я с лёгкой улыбкой на губах.

– Всё же лучше отель. Перед концертом тебе лучше отдохнуть и расслабиться в горячей ванной, – он коснулся моего плеча и что-то с него аккуратно стряхнул. – Я всё оплачу.

– Это лишнее. Но спасибо за заботу.

Я смотрела ему в глаза и единственное, чего хотела в тот миг – это обнять и крепко прижать к груди. Я была безгранично благодарна ему за заботу.

– Всё же, это не подлежит обсуждению. Собирайся и поедem. Я пока попрощаюсь с Алексеем.

Он нашёл взглядом тренера, сделал шаг вперёд, чтобы уйти. Но как только поравнялся со мной, я коснулась его руки и остановила. Я удивилась собственному поступку не меньше Ираклия. Он смотрел на меня в ожидании объяснений.

– Тебе понравился танец? – спросила я, смутившись собственным словам и поступку.

Не знаю, что на меня нашло, и откуда я набралась такой смелости, но я понимала, что не смогу сдвинуться с места, пока не узнаю ответ на свой вопрос.

Он улыбнулся. Его взгляд изменился и вновь пронзал меня насквозь.

– Танец потрясающий, – он смотрел мне в глаза, не сводя загадочного взгляда, и я забыла обо всём, что происходило вокруг.

Он опустил к моему уху и прошептал:

– Впрочем, как и ты.

Сказал и ушёл. А я стояла ещё с полминуты на месте и чувствовала, как всё тело покрывалось мурашками. Внутри меня творился хаос эмоций. Они в истерии бились о стены моего сердца и хотели вырваться наружу.

Я постаралась поскорее скрыться в душевой, чтобы ополоснуться и прийти в себя. Струи прохладной воды охладили меня и помогли взять себя в руки. Выйдя из кабинки, я столкнулась с Линой.

– Всё хорошо? – спросила она с мягкой улыбкой на лице.

Как только заканчивались тренировки, вся их с Алексеем строгость сходила на нет. И за пределами занятий, где не требовалась их строгость и наша дисциплина, у нас сохранялись тёплые и трепетные отношения.

– Всё отлично, – улыбнулась ей в ответ, надевая платье.

– Ты помнишь, чему я тебя учила? – спросила она, подойдя ближе.

Я сразу поняла, о чем она говорит, поэтому ответила, не задумываясь:

– Перед выходом из дома не забывать голову на плечах, а сердце отдавать под контроль разуму, – процитировала её.

– Твоя голова на плечах?

– Да.

– А сердце под контролем разума? – она посмотрела на меня с толикой материнской строгости, но я знала, что

этот разговор происходит только из любви и заботы ко мне.

– Пока что да, – ответила честно.

Я уважала их с Алексеем, поэтому никогда не врала. Я всегда была откровенна с ними, озвучивала своё мнение, если мне не нравились те или иные связки. Могла спокойно признать, что мне лень заниматься или я устала, поэтому непродуктивна. И потом с особым усердием отрабатывала свою слабость. И считала это справедливым. Поэтому, даже несмотря на большую разницу в возрасте, они общались со мной на равных и относились ко мне с большим уважением.

– Пока что, потому что он ещё не поцеловал тебя? – спросила тренер, ухмыльнувшись.

– Лина, – засмущалась я.

– У тебя впереди ответственный год, и я не хочу, чтобы ты сдулась из-за какой-то мимолётной влюблённости к мимолётному парню.

– Не стоит подвергать сомнению мой профессионализм! – я вздёрнула подбородок, оскорбившись её словам.

– Этот юноша горячей крови. Как ты думаешь, велика вероятность того, что он позволит, чтобы его девушка танцевала бальные танцы с другим мужчиной?

– Ты заходишь так далеко. Мы с ним просто друзья.

– Ох, девочка моя, – рассмеялась она, посмотрев на меня, как на дуру. – Смотрели вы друг на друга совсем не как

друзья.

– Как близкие друзья? – решила отшутиться я.

– Как очень близкие друзья. Настолько близкие, что уже размылась грань этой дружбы, и всё переросло в нечто романтическое.

– Ничего подобного, правда. Мы просто дружим, – сказала я, но румянец на моих щеках выдавал мои истинные чувства.

– Возможно, до поры до времени. Я прекрасно понимаю тебя. Красивый парень ухаживает и заботится о тебе – это всегда подкупает. Но прежде, чем дать волю чувствам, подумай сто раз, достоин ли человек этого.

– Я точно уверена, что не перестану танцевать, даже если мне запретят это делать под дулом пистолета. Танец – часть меня. И если человек откажется принимать эту часть, то у нас с ним нет будущего. Вот в этом я уверена, поэтому, не переживайте.

Она искренне улыбнулась. Подошла ко мне, обняла и поцеловала в висок.

– Будь всегда умницей. Мы в тебя верим и гордимся тобой.

Эти слова навсегда отпечатались в моём сердце. И даже в минуты полного уныния, когда казалось, что я больше не смогу танцевать, эти слова заставляли меня двигаться вперёд.

Следующим утром, благодаря Ираклию, я проснулась в мягкой кровати и в красивом номере отеля. Приняла душ,

вкусно позавтракала и к полудню поехала на концертную площадку, где мы должны были выступить на дне города. Людей всегда собиралось много.

Перед выступлением, я всегда закрывала глаза и представляла, что среди зрителей стоят мои счастливые папа с мамой и с гордостью смотрят на меня. Раньше они именно так и делали – приезжали меня поддержать на выступлениях, а после – водили гулять в парк, покупали мороженное и говорили, как сильно меня любят. Только после этих воспоминаний, я выходила на сцену и отдавала всю себя без остатка. А после танца с грустью возвращалась за кулисы, где меня ждало разочарование – очередная пустота и боль. Пока всех девочек и парней встречали довольные родители, целовали и хвалили их, я собиралась в полном одиночестве, продолжая вторить себе под нос, что я тоже молодец, и я тоже достойна любви.

Но в тот день всё изменилось.

– Здравствуй, – услышала я голос Ираклия за кулисами после концерта и тут же обернулась, расплывшись в улыбке.

– Это было очень красиво, – продолжил он и протянул мне букет.

Я не сразу поняла, что он предназначался мне. Это было необычно и очень непривычно. Никто и никогда не дарил мне цветов.

– Я смотрел на ваш танец с замиранием сердца. Ты боль-

шая умница, – добавил он.

Удивление, радость, смущение смешались во мне единым комом и встали поперёк горла. Я не могла говорить, меня трясло от счастья. Он не понимал, как много для меня значил его поступок. И дело было не в цветах и даже не в его словах. А в том, что за девять лет, после ухода папы, никто не посещал моих выступлений. За редким исключением – бабушка. И вот он стоял рядом и делал всё, чтобы я почувствовала себя важным человеком.

Ещё недавно он был мне никем, а сейчас стал значимой частью моей жизни.

Это был последний раз, когда я закрывала глаза перед выступлением, чтобы представить родных людей в зрительском зале, а после уезжала в одиночестве домой. Теперь на всех моих концертах и соревнованиях рядом всегда был человек моего сердца. И сколько бы ошибок в жизни я не совершила, сколько бы глупых решений не принимало моё сердце, но влюбиться в Дадияни было самым правильным и замечательным решением.

Выйдя из здания, я села к нему в машину и была уверена, что мы едем к бабушке. Но ошиблась.

– Куда мы? – спросила я, когда поняла, что он едет не в том направлении.

– Я увидел, чем живешь ты, теперь хочу показать, чем живу я.

Я не стала спрашивать его. С нетерпением ждала,

когда мы окажемся на месте. И мне казалось, что я была готова ко всему, но, когда мы доехали до места и вошли в небольшую студию звукозаписи, я опешила.

– Что это? – удивилась я, разглядывая все вокруг.

– Моя студия. Здесь я провожу всё своё свободное время.

Пишу музыку и тексты.

– Что прости? – рассмеялась я. – Серьезно, чьё это?

– Без шуток. Это всё моё.

– Ты умеешь петь?

Он ничего не ответил, просто дал послушать его песни и музыку, дал прочитать тексты и стихи. Это так не сочеталось с его брутальными внешними данными, от чего он стал казаться ещё более привлекательным. Его творчество было точным попаданием в моё сердце.

– Почему ты не показываешь это миру? Ты совершаешь грех, пряча это в этих стенах! – возмутилась я, сидя рядом с ним и перебирая в руках тексты его песен.

– Сомневаюсь, что из этого может выйти что-то серьёзное.

– Ты сошёл с ума. Это восхитительно.

Без преувеличения, голос Ираклия был невероятен. Его музыка касалась самых глубинных точек души, тексты цепляли, заставляя проживать целую жизнь за несколько минут.

Какая ирония судьбы. Тогда я была единственной, кому он открылся, и кто смог прикоснуться к сокровенному. Те-

перь он на пьедестале – Даддани стал востребованным артистом, и его песни и клипы крутят радиостанции и музыкальные каналы. Его мечты сбылись, но ради этого я пожертвовала своим сердцем. И больше не могла позволить себе роскошь наслаждаться его творчеством. Я оградилась от него. Запретила слушать любимые песни, смотреть интервью и клипы, чтобы однажды не сойти с ума от тоски по нему.

Но в тот миг всё только зарождалось между нами, и я чувствовала трепет на душе.

– Ты такой... – сказала я после прослушивания одной из песен и встала с дивана, чтобы пройтись и успокоиться.

– Какой?

– Не могу подобрать подходящего слова, – призналась честно. – Ты для меня открытие. Я нахожусь в диком восторге.

– Я испытал такие же эмоции, когда увидел, как ты танцуешь, – признался он, встав рядом со мной.

– Эти все песни должны увидеть свет, – произнесла я. – Я влюблена.

– В меня? – широко улыбнулся он.

– В твоё творчество, – смутившись, ударила его тетрадкой по руке.

Он взял меня за руку и притянул к себе.

– А я, кажется, в тебя, – вдруг неожиданно произнёс он и обрушил на меня шквал неизведанных ранее чувств.

Его губы коснулись моих и заключили меня в поцелуе. И, кажется, я влюбилась тоже. Окончательно и бесповоротно.

Я открываю глаза, когда лифт останавливается. Вновь вижу перед собой мужской силуэт. Хочу подойти сзади, обнять и положить голову на крепкую спину. Но не могу позволить себе такой роскоши.

Голос в кабине сообщает, что мы приехали на сороковой этаж, и двери открываются. Я иду к выходу, Ираклий продолжает стоять на месте.

Сровнявшись с ним, я теряю контроль над телом. Пальцы невольно тянутся к нему и касаются его ладони, скользят по ней. Весь мир вокруг замирает. В груди всё каменеет от боли. Хочу обнять, хочу поцеловать, хочу навсегда застрять в этом лифте с ним одним.

Он вздрагивает от моего прикосновения. Оборачивается и смотрит на меня, словно не веря в происходящее. Я же смотрю вперёд, будто бы ничего и не происходит. Через силу отрываю пальцы от него и делаю ещё несколько шагов вперёд. Выхожу из лифта, а сердце в груди отбивает слова: «я все ещё люблю тебя», в надежде, что он когда-нибудь их услышит.

Глава 4

Мы сидим с бабушкой в ресторане, завтракаем после больницы. Я ковыряю еду в тарелке, пытаюсь заставить себя поесть. Кусок в горло не лезет после встречи с Ираклием. За всю ночь я не сомкнула глаз. Поток воспоминаний о нём взрывал мой мозг. До сих пор слышу аромат его парфюма; слышу его голос; вижу перед собой любимый силуэт и взгляд. Все мысли только о нём. О моём прикосновении и электрическом разряде от его кожи, который попал в самое сердце. Хочу вернуться в то мгновение и проживать его вновь и вновь.

– Как вчера прошла встреча с Алексеем? – спрашивает бабушка и вырывает из омота. – О чём он хотел поговорить?

– Они с Линой открыли благотворительную творческую школу для детей из неблагополучных семей. Музыка, танцы, рисование, фотография и многое другое. Он пригласил меня провести пару уроков по танцам для учеников.

– Какие они молодцы. Ты ведь приняла их приглашение?

– Ты сомневаешься? – удивлённо спрашиваю у неё.

– Мало ли, – пожимает плечами. – Ты ведь хочешь поскорее отсюда улететь.

– Но пока я здесь, почему бы не заняться полезным делом? Тем более, это Алексей и Лина. Я бы не отказала им ни при каких обстоятельствах.

– Я рада, что тебе будет, чем заняться.

Я улыбаюсь краем губ, и вновь опускаю взгляд на тарелку. Нет сил даже притворяться, что всё хорошо.

– Что тебя беспокоит? – бабушка прикасается к моей руке, которая играет вилкой с едой.

– Да так, – задумываюсь, стоит ли с ней делиться своими переживаниями.

– Ты ругаешь меня, что я постоянно что-то скрываю от тебя, чтобы не расстраивать, а сама поступаешь так же.

Я поднимаю взгляд на неё, улыбаюсь уже искреннее. Люблю её чуткое сердце.

– Я вчера столкнулась с Ираклием, – говорю тише.

Она ахает и закрывает руками рот.

– Бабуль, – мне становится смешно от её реакции.

– Вы поздоровались? Поговорили? Он тебя сразу узнал? – взволновано тараторит она.

– Узнал сразу. Не поздоровались. Он без прелюдий приступил к оскорблениям, – спокойно отвечаю ей.

– Негодник такой! – возмущённо цедит бабушка. – Ты столько натерпелась из-за него, а он ещё оскорбляет! Дать бы ему один хороший подзатыльник, чтобы пришёл в себя.

– Не из-за, а ради него. И он ничего не знает, поэтому имеет право злиться, ругаться, ненавидеть.

– Пора ему узнать правду!

– Чтобы что? У него всё хорошо. А значит, оно того стоило.

– Опозорила себя, лишилась друзей, ушла из профессионального спорта – и это всё стоило того?

– Его мечты сбылись. Он там, где должен быть. Значит, оно того стоило, – произнеся это вслух, мне становится легче.

Я вспоминаю, ради чего всё было, почему так поступила, и успокаиваюсь.

– А твои мечты? Кто о твоих мечтах позаботится?

– Мои мечты тоже сбылись, разве нет? Я вырвалась из этого города. Танцую и путешествую.

Ба что-то говорит мне, но я перестаю её слышать. В ресторан входит семейная пара. Всё такая же яркая, живая и невероятная женщина и мужчина под стать ей, чья рука аккуратно лежит на её талии. Я замираю.

Люди, которые хотели и делали всё возможное, чтобы заменить мне родителей. Люди, которые, несмотря на весь хаос вокруг, не посмели осквернить меня грязным словом. Люди, которые не растоптали, а подали руку помощи, даже несмотря на то, что их сын меня возненавидел.

Я хочу окликнуть их, хочу подойти к ним. Хочу обнять и прижать к груди. Но отворачиваюсь, боясь быть ими отвергнутой. Прошло так много лет, и они, возможно, уже давно обо мне забыли.

Но я их помню.

Утыкаюсь взглядом в тарелку и мыслями возвращаюсь в прошлое. В дни, когда ещё не было известно, что вырастет из

девочки Илианы, которая впервые испытала чувство влюблённости.

После нашего первого поцелуя я около недели не могла прийти в себя и не выходила с Ираклием на связь. Я не знала, что ему говорить, и как себя вести. А он не сильно давил, словно чувствовал.

И вот одним ранним утром выходного, я вышла из дома, чтобы прогуляться в одиночестве и насладиться расцветом. Подойдя к полю, я заметила подъезжающую ко мне знакомую машину. Она остановилась неподалеку, из неё вышел Ираклий и направился в мою сторону.

Внутри всё сотрясало при виде него, но я старалась держать себя в руках.

– Привет, – улыбнулась я, смотря ему в глаза.

Боялась, что он заметит, как я волнуюсь в его присутствии.

– Рад тебя видеть, – сдержанно произнёс он, будто опасаясь, что спугнёт. – Вышла на утреннюю прогулку?

– Да. А ты что тут делаешь в такую рань?

– Тамара попросила помочь с кое-какими делами. Сейчас поеду к ней.

– Не хочешь присоединиться ко мне? – не удержавшись, предложила ему.

Даже не знала, зачем это сделала. Наверное, скучала. Он, не раздумывая, принял моё предложение. Мы прошли к полю, расстелили плед и легли на него.

Минут десять мы молча лежали и смотрели в небо. Никогда и ни с кем мне не было так хорошо молчать. Тишина между нами была самой завораживающей. Казалось, что в этот миг говорили наши души и переплетались в едином танце.

— Будем делать вид, будто между нами ничего не было? — неожиданно прервал он наше молчание и повернул голову в мою сторону.

— А что ещё делать? Я думаю, то, что случилось, было лёгким помутнением в наших головах, — говорила уверенно, пытаясь убедить в этом саму себя.

— Моё помутнение длится до сих пор, — как ни в чём не бывало ответил он.

Я залилась краской от его слов. Тот поцелуй до сих пор отбивал танец на моём сердце, и я так боялась вновь испытать его на себе. Я понимала, что это было бы необратимой трагедией. История моих родителей доказала — нет ничего вечного, тем более, когда это касалось любви. Я не хотела, как мама, ломать себя и свою жизнь из-за мужчины.

Да и сложно было поверить, что такой парень, как Ираклий, мог влюбиться в простушку, вроде меня. Я видела, какие девушки его окружают, и считала себя не их уровня. А значит, недостойной внимания Дадиани.

Из мыслей меня вывело прикосновение мужской руки. Я вздрогнула и посмотрела на парня.

— Всё хорошо? — спросил он еле слышно.

Я кивнула в ответ и отвернулась.

– Давай поговорим откровенно, – Ираклий сел на плед и выжидающе посмотрел на меня.

– О чём? – бросила на него короткий взгляд.

– О том, почему ты боишься меня.

– Я не боюсь тебя. Глупо так думать, – не сводя глаз с неба, отвечала я.

Он взял меня за подбородок и развернул лицом к себе.

– Ты даже посмотреть на меня не можешь.

– Я ведь пришла, чтобы любоваться рассветом, – улыбнулась натянуто.

– Не прикидывайся душой, Илиана.

– Ты тоже, Ираклий. Не делай вид, что между нами ничего не произошло.

– Это я делаю вид, что ничего не произошло? – посмотрел шокировано. – Я, кажется, чётко дал понять, то, что произошло в студии – это не секундное помутнение рассудка.

– Я не хочу.

– Чего ты не хочешь?

– Вот этого всего не хочу, – я сдалась и решила поговорить откровенно. – Не хочу портить нашу дружбу этим, – сказала брезгливо и запнулась, не найдя подходящего слова.

– Я тебе не нравлюсь?

– Как ты можешь мне не нравиться, если я с тобой дружу? – искренне не поняла его вопроса.

– Я имею ввиду другую симпатию, – уточнил он.

Я смутилась и не смогла ответить ему. Не хотела врать, но и признаваться в симпатии было для меня неприемлемо. Это как признать своё поражение. Я тогда ещё не умела это делать.

— Тогда, о какой дружбе идёт речь? — будто прочитав мои мысли, продолжил он. — Ты не была против того, что было между нами тем вечером. Что стало сейчас?

— Я включила голову, Ираклий. Я бы не хотела терять нашу дружбу из-за нескольких месяцев отношений.

— Почему ты ставишь срок отношениям, в которых ещё не была? — раздраженно спросил он.

— Потому что у всего есть срок. И самый быстро портящийся товар — это чувства и взаимоотношения.

— Получается, у дружбы тоже есть конец?

— Да, — с некой досадой ответила я.

— Мне жаль, что жизненные обстоятельства научили тебя этому.

— Жизнь всех учит именно этому. Просто кто-то не хочет учиться, — сказала я голосом победителя в этом споре.

Глупая девочка ещё не знала, что у подлинных чувств срок годности — вечность. И у любви, и у дружбы, и у страсти; да у всего. Если это то, что оказалось в сердце — это навсегда.

Ираклий встал с места.

— Поеду к Тамаре, — сказал, отряхнувшись. — Оставляю тебя наедине с собой.

И не дав возможности что-либо ответить, развернулся и ушёл.

На душе у меня скребли кошки. От чего-то сильно хотелось плакать. Не было радости от победы в этом разговоре.

Я пролежала в поле ещё около часа. Пыталась наслаждаться рассветом и новой книгой, взятой в библиотеке. Но волнение в груди не давало мне расслабиться и успокоиться. Я хотела пойти к Ираклию и убедиться, что всё между нами хорошо, несмотря на наш разговор.

Вернулась домой и застала его во дворе за столом. Он изучал какие-то документы.

– Ты вернулась, дорогая? – радостно произнесла бабушка, выйдя на крыльцо с тарелкой пирожных. – Сейчас заварю тебе чай.

Ираклий посмотрел на меня исподлобья, но быстро вернул взгляд на бумаги. Внутри всё сжалось сильнее.

– А что тут делает твой внук? – отиутилась я.

– Помогает разобраться со счетами. Раньше всем этим занимался твой дедушка.

– Спасибо тебе, – обратилась к парню и села рядом с ним. – Не хочешь выпить чай?

– Мы уже выпили, – бросил мне в ответ.

– А со мной за компанию? – улыбнулась, посмотрев на него с надеждой во взгляде.

Я не хотела находиться с ним в плохих отношениях, как и не хотела этой неопределенности между нами. Это грызло

меня изнутри.

— Если только за компанию, — ответил он, не поднимая глаз.

Бабушка вошла в дом и вернулась через несколько минут с чайником и двумя кружками.

— Вы не обидитесь, если я пойду на завтрак к тётке Свете? — спросила она у нас. — К ней приехали гости, и они пригласили меня к себе.

— Если тётя Света испекла свой фирменный медовик, то без его кусочка не возвращайся, — широко улыбнулся Ираклий.

Они подмигнули друг другу, и бабушка ушла, оставив нас наедине.

Какое-то время между нами нависала неловкая тишина. Ираклий прятался за бумагами, я делала вид, что завтракаю.

— Всё ведь хорошо у нас? — не удержавшись, спросила я, разливая чай по чашкам.

Он поднял на меня взгляд и какое-то время молча смотрел в глаза.

— Я не хочу, чтобы мы были в ссоре. Мне это не нравится, — добавила я.

— Мы не в ссоре. Всё хорошо.

— Честно? Просто на тебя не похоже, что ты сидишь рядом со мной и молчишь.

— Просто сейчас я хочу тебя поцеловать, обнять и гово-

речь только о том, что было тем вечером. Если что-то из этого списка ты готова сделать, давай, – с привычной ему лёгкостью, произнёс он.

А я смутилась и, покраснев, спрятала взгляд. Сейчас забавно вспоминать себя такой маленькой, невинной и испуганной собственными чувствами.

– Ты судишь обо всём, исходя из опыта своих родителей, – добавил он, когда заметил, что я не могу подобрать слов для ответа.

– Так и есть. Я помню, как мама была счастлива рядом с папой. Он заботился о нас. Всегда обнимал и целовал. Водил меня на разные секции. Это он привил мне любовь к балльным танцам. Не помню случая, когда он повышал на меня голос, тем более, поднимал руку. Я даже не знала, что такое возможно в семьях. Он был прекрасным отцом. Да и мужем, наверное, тоже, раз мама всегда улыбалась рядом с ним. Она всегда с нетерпением ждала выходных, чтобы пойти вместе гулять. А потом он резко исчез. Нашёл другую. Будто бы и не было нас с мамой. Просто раз и больше не любит. Не хочет видеть нас, не хочет обнимать, целовать. У моих родителей истёк срок годности любви друг другу и ко мне. И как мне верить в другую реальность, если моя такая?

– Но есть другая реальность, – он развернулся полностью ко мне и взял за руку. – Рассказать о ней?

– Расскажи, – неуверенно произнесла я, смотря на наши

сплетенные руки.

— Мой папа влюбился в маму, когда ему было семнадцать лет. Добивался её расположения два года и ещё лет пять пытался убедить её отца, что он достоин его дочери. Она была из богатой, уважаемой семьи в деревни, а папе пришлось бросить школу, чтобы работать и помогать своей больной матери прокормить двух других детей. Все удивились, когда дедушка дал своё благословение на их брак. Многие осуждали. Мол, столько достойных семей хотели женить своих сыновей на его дочери, а он отдал её в руки оборванцу без кола и двора. Дедушка потом рассказывал нам с братьями, что пока за других парней всё делала их фамилия и семья, мой отец работал в три погибели, чтобы иметь эту фамилию. Он обеспечивал всю семью и успевал всегда радовать маму цветами. Тогда дедушка понял, что она будет в надёжных руках рядом с ним. И он оказался прав. Папа многого добился в жизни, переехал в другую страну, перевёз всех родных сюда. И в нашем доме до сих пор есть установленное им правило — ваза не должна быть пустой. Цветы появляются до того, как успевают завянуть другие. Если он в другой стране, он поручает кому-то из нас купить букет и подарить маме. Он до сих пор относится к ней так, будто она самое хрупкое создание во всем мире. «Нет ничего важнее счастливой женичины/девушки/девочки» — так он говорит.

— И ты с ним согласен?

На душе стало чуточку теплее и спокойнее от его рассказа.

– Абсолютно. Именно от вашего состояния зависит всё вокруг.

– Знаешь, признаюсь честно, я очень завистлива к полноценным семьям. Я всегда думаю о том, почему другим повезло, а мне нет. Но вот слушая тебя, я испытываю только искреннюю радость, что ты живешь не в моей реальности.

– Я это рассказал для того, чтобы ты понимала, что в жизни бывает по-разному. И мир состоит не из чёрных и белых красок. Ты ведь не будешь всю жизнь избегать своих чувств, боясь, что их ранят?

– Но я и не хочу в пятнадцать лет прыгать в омут с головой. У меня в приоритете учеба и танцы. Я должна выбраться из этого города.

– А я и не дал бы тебе прыгнуть в этот омут. Я знаю тебя. Знаю, о чём ты мечтаешь. И я не позволил бы себе встать на пути по достижению твоих целей.

– Мне очень хорошо с тобой. Но я не готова сейчас к чему-то большему между нами.

Я помню, с каким страхом я произносила каждое слово. Казалось, что после них наше общение прекратиться. Ведь, зачем ему возиться со мной, когда вокруг есть так много девушек, которые хотят быть с ним?

Но он развеял все страхи:

– Нужно время? – спросил он мягко.

– Да.

– Я не буду давить. Но и не буду делать вид, будто от-
ношусь к тебе, как другу или сестре.

– Справедливо, – улыбнулась я.

– Иди ко мне, – он раскрыл объятия и заключил меня в
них.

Нежно коснулся губами виска и поцеловал. Казалось, буд-
то меня укрыли тёплым одеялом. Я испытывала непривыч-
ное для меня чувство спокойствия и умиротворения.

Дни сменяли друг друга. Наступили летние каникулы.
Для кого-то – сплошные выходные, для меня – ещё большие
тренировок.

Ираклий приезжал ко мне в перерывах. Порой, когда было
время, забирал вечером после занятий, покупал нам по хот-
догу, и мы ехали на наш холм. Смотрели на огни вечернего
города, кушали и много разговаривали. Наши взаимоотно-
шения витали где-то между дружбой и любовью. Мы пони-
мали, что влюблены друг в друга, но я продолжала держать
дистанцию, а он старался не нарушать её. Но те взгляды,
случайные прикосновения и эмоции, перехватывающие наши
дыхания, не сравнить ни с чем. После наших встреч у меня
будто крылья за спиной вырастали, и я окрылённая возвра-
щалась к танцам. Я стала много улыбаться, смеяться и
шутить. И мне нравилось всё то, что происходило вокруг
меня, да и внутри тоже. Я понимала, что мой рассудок уже

потерпел поражение, и я сдалась во власть своим чувствам и эмоциям.

Однажды, после очередного турнира, мы стояли с Ираклием за сценой. Я держала в руках букет и счастливо улыбалась после победы на конкурсе. С восторгом разглядывала цветы. Сложно было поверить, что его подарили мне. В глубине души мне казалось, что я этого недостойна.

К нам подошли ребята из нашей группы и тренеры. Все были веселы. Что-то живо обсуждали, делились впечатлениями. И плавно перешли к разговору о предстоящем открытом чемпионате Германии. Все начали живо делиться, что планируют подать заявки. Кто-то уже представлял, какие платья сошьёт себе на турнир. Все были в приподнятом настроении. Но не я.

Я старалась улыбаться, слушать, поддерживать. Но внутри кошки скребли от обиды. И мне хотелось поскорее уйти оттуда.

Ираклий будто почувствовал моё состояние. Извинился перед всеми и сообщил, что украдёт меня у них. Мы попрощались, и вышли на улицу к его машине.

Я села на пассажирское сиденье и сразу уткнулась в окно. Всем видом показывала, что не хочу разговаривать. В голове крутились мысли о том, что будь папа рядом, я бы могла добиться больших высот в танцах. Мне было досадно от всего происходящего, и я с трудом сдерживала слёзы.

Ираклий знал, что в такие минуты лучше не трогать

меня. Молчал всю дорогу. И лишь, когда доехали до назначенного места, сообщил, что привёз меня в отель, чтобы я смогла смыть с себя всю косметику и лак для волос.

Он хотел после этого поехать в ресторан, но у меня не было для этого настроения. Я предложила ему остаться в отеле, заказать ужин и посмотреть кино на телевизоре. Он согласился.

Оказавшись в номере, я тут же скрылась в ванной комнате. Залезла под душ, включила воду и расплакалась. Меня сжирало чувство злости на родителей. Не понимала, почему, перестав любить друг друга, они разлюбили и меня; почему перестали беспокоиться и заботиться обо мне. Я завидовала ребятам, чьи родители из кожи вон лезли, но обеспечивали их самым лучшим и давали возможность путешествовать, соревноваться и знакомиться с новыми людьми. Мне хотелось для себя того же.

Когда я вернулась к Ираклию, он уже по-хозяйски лежал на кровати и переключал каналы на телевизоре. Я забралась на постель и робко потянулась к нему. Устало положила голову ему на плечо и свернулась клубком в его объятиях. Это было лучшее завершение тяжёлого дня. Меня успокаивали его присутствие рядом.

— Поговорим? — спросил он аккуратно, поцеловав в макушку.

— О чём?

— Почему ты расстроилась, когда все заговорили про чем-

пионат в Германии?

– Завидую ребятам, – сказала предельно честно, а глаза вновь наполнились слезами.

Чувствовала себя уцербной.

– Тоже оставь заявку. Ты ведь проходишь по параметрам, разве нет?

– Дело не в этом, – я прижалась к нему сильнее. – У бабушки нет средств, чтобы оплатить мне перелёт, проживание, участие, платья, туфли. Это всё стоит невообразимых денег для нас с ней. У Дениса та же ситуация.

– Я думал, танцы оплачивают твои родители, – он отстранился и с возмущением посмотрел на меня. – Не знал, что это тоже упало на плечи Тамары.

– Ты ещё не понял, что моим родителям плевать на меня? – усмехнулась я с горечью на сердце. – Когда папа ушёл, мама оборвала все связи с ним. Отказалась от алиментов. Но сама оплачивать мои занятия отказалась. Я собиралась бросить танцы, но тут вмешалась бабушка и запретила мне это делать. Она взяла все финансовые обязательства на себя, – я грустно улыбнулась, вспомнив ба. – Поэтому я так много учусь и занимаюсь. Хочу чего-то добиться в жизни, чтобы бабушка знала, что она не зря старалась для меня. Хочу обеспечить нам с ней счастливую жизнь.

– Всё у тебя получится, – он притянул меня обратно к себе и поцеловал в лоб. – А твоих родителей нужно лишить родительских прав, – добавил он с презрением в голосе.

– Спасибо, – прошептала я, чтобы скрыть дрожь внутри себя. – Спасибо, что рядом.

– По-другому уже и быть не может.

Ираклий отпустил меня, встал с кровати и пошёл к телефону. И пока он заказывал ужин, я лениво сползла с кровати, подошла к зеркалу и сняла с волос полотенце.

– М-м-м, – с наслаждением произнесла я, когда начала массажировать голову.

Собранные волосы всегда были стрессом для меня. За столько лет я должна была бы привыкнуть к концертным причёскам, но нет. Как только заканчивались соревнования и концерты, я тут же мчалась смывать весь лак с волос и распускала их.

Ираклий подошел ко мне сзади. Мы встретились взглядами через зеркало.

– Помочь? – спросил он, взяв с моей руки расческу.

Я кивнула, и он начал аккуратно расчесывать мои волосы. Мы молчали, и я слышала лишь биение собственного сердца. Понимала, что оказалась в плену. Во власти Ираклия. Ощущение, как перед прыжком с парашюта – сначала страшно, но после прыжка – дух захватывает. Казалось, ничего необычного не происходило, но для меня это был интимный и сокровенный момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.